

ИСТОРИЯ

УДК 327

Т.Л. Андреева, К.Е. Керн

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В XXI в.

Статья посвящена языковому аспекту внешней политики КНР в современном мире. Рассматриваются понятие «мягкая сила» как основной внешнеполитический инструмент Китая, роль языковой политики как составного элемента политики «мягкой силы» КНР. Анализируются предпосылки становления языковой политики в качестве внешнеполитического инструмента в Китае, а также основные формы и направления лингвистической политики Китая, их результаты.

Ключевые слова: «мягкая сила»; языковая политика; китайский язык; взаимодействие; Китай.

XXI в. – век существенных изменений в конфигурации международных отношений. В значительной степени данный процесс связан с использованием государствами «мягкой силы» во внешней политике. В этом случае Китай не только не является исключением, но и играет ведущую роль в данном процессе. Убедившись в невозможности достижения внешнеполитических целей за счет растущей военной мощи, китайское руководство перешло к использованию «мягкой силы» [1. С. 84]. «Мягкая сила» – это совокупность способов и методов, направленных на получение желаемого результата посредством сотрудничества вместо принуждения [2. С. 113]. Понятие «мягкой силы» тесно связано с китайской традицией и культурой, является олицетворением образов и символов китайского даосизма [3. С. 138]. Прообраз «мягкой силы» прослеживается в китайской философии («вода по своей природе является “мягкой” субстанцией, она всегда принимает форму русла реки или сосуда; но во время наводнения она способна превратиться в “жесткую силу”, сокрушающую всё вокруг» [4. С. 37]). «Мягкая сила» восточных стран имеет схожий набор инструментов. Он делится исследователями на «сильный» и «слабый» инструментарий [5. С. 27]. К числу наиболее сильных инструментов «мягкой силы» восточных стран и в частности Китая относят национальную кухню, моду (восточные мотивы в одежде становятся всё более популярными), массовую культуру, а также в ряде некоторых случаев – уникальный элемент имиджа страны (например, в Индонезии – официальная идеология «панча сила») [Там же]. Кроме того, «сильным» инструментом «мягкой силы» восточных стран принято считать традиции и культуру [Там же]. К «слабым» инструментам «мягкой силы» стран Востока сегодня относят технологии, уровень и качество жизни, которые, по мнению исследователей, значительно отстают от западных [Там же. С. 28]. Сегодня термин «мягкая сила» прочно вошел в риторiku китайских политологов, включая в себя представление о гармоничном мире, «соседской дипломатии», «публичной дипломатии» [4. С. 37]. Заложенные на VIII съезде КПК новые принципы и направления новой дипломатии Китайской Народной Республики отражают тот факт, что «мягкая сила» используется в качестве одного из основных инструментов ведения внешней политики КНР в современных условиях [6. С. 44]. Министром

иностраннх дел Китайской Народной Республики Ван И были выделены семь основных направлений и новых принципов китайской дипломатии: 1) строительство качественно новых отношений с ведущими державами мира; 2) создание мирной и стабильной внешнеполитической среды; 3) дальнейшее проведение политики реформ и открытости; 4) установление отношений с развивающимися государствами на основе взаимной выгоды; 5) активное участие в решении международных и региональных проблем; 6) отстаивание принципов, декларируемых Уставом ООН; 7) защита интересов китайских граждан за рубежом [6. С. 45]. Обозначенный курс китайской дипломатии демонстрирует, что Китай не намерен использовать силовые методы в своей внешней политике. Наблюдается поэтапный переход к более широкому применению «мягкой силы» на международной арене.

Одним из составляющих элементов и наиболее «сильных» инструментов «мягкой силы» китайского правительства на сегодняшний день является языковой фактор. Языковая политика, которая включает не только внутреннюю, но и внешнюю составляющую, становится всё более эффективным способом решения внешнеполитических задач страны. Сегодня она выступает рычагом влияния на международное положение КНР [7. С. 116]. Языковая политика – это сознательное целенаправленное воздействие государства и общества в целом на развитие и функционирование языка, включающее совокупность мер, принимаемых для изменения или сохранения существующего функционального распределения языковых норм [8]. Основными составляющими языковой политики Китайской Народной Республики являются решение внутрисостоятельных языковых вопросов (сохранение диалектов национальных меньшинств), а также достижение внешнеполитических задач (распространение и популяризация китайского языка за пределами Китая) [Там же].

Среди многообразия инструментария «мягкой силы» высшее руководство КНР избрало распространение китайского языка и культуры ввиду ряда причин [1. С. 85].

1. В результате успехов в экономике и выдвижения Китая в ряд наиболее влиятельных и развитых государств мира интерес к стране, ее культуре, истории, традициям беспрецедентно возрос. Усилившееся внимание мирового сообщества к Китаю стимулиро-

вало изучение китайского языка во многих странах мира [Там же].

2. Проведение в Пекине летних Олимпийских игр в 2008 г. послужило толчком к развитию изучения китайского языка: требовались переводчики с китайского и на китайский для зарубежных участников. Кроме того, гости Олимпиады стали проявлять большой интерес к китайскому языку и культуре [1. С. 85].

3. Немаловажным фактором усиления интереса иностранных граждан к изучению китайского языка и распространения его за рубежом является наличие в Китайской Народной Республике необходимой организационной и институциональной лингвистической инфраструктуры. Речь идет об организации институтов международного образования для иностранных студентов, стипендиальных программ для привлечения обучающихся из других стран, а также программ изучения китайского языка для студентов всех уровней владения языком [Там же. С. 86]. Так, в 2014–2015 гг. число иностранных студентов, прибывших для получения образования в Китай, составило 377 054 человека, или 59% от общего числа иностранных студентов во всей Азии [9].

4. Сегодня все больше внимание общественности привлекают периодические всплески напряженности в некоторых районах КНР, таких как Синьцзян-Уйгурский автономный район, а также Тибет [10. С. 22]. Увеличивается число исследователей, занимающихся изучением внутривнутриполитической ситуации КНР, а значит, и потребность в изучении китайского языка также растет.

5. Изучение китайского языка для многих становится фактором строительства успешной карьеры, позволяет найти лучшую работу. Изучение и преподавание китайского языка особенно необходимо в странах, динамично развивающих торгово-экономическое партнерство и долгосрочное сотрудничество с КНР. К их числу относятся такие страны, как Россия, США, Республика Корея, Япония [Там же]. В государствах Восточной и Юго-Восточной Азии некоторые экспортно-импортные компании даже ввели знание китайского языка в качестве критерия, необходимого при приеме на работу [11].

Более того, в марте 2013 г. на встрече китайского и немецкого руководства в Берлине, посвященной распространению китайского языка в Германии, Си Цзиньпин лично отметил, что «важным инструментом общения является язык» и что «очарование культуры страны и притягательная сила народа главным образом выражаются и передаются посредством языка» [1. С. 86].

Однако основа для ведения такой активной языковой политики и взятия курса на распространение китайского языка за рубежом была заложена еще в прошлом столетии. Важной вехой стало начало политики «реформ и открытости» под руководством Дэн Сяопина в конце 1970-х гг. [12]. Именно тогда стандартизированный китайский язык путунхуа впервые начали продвигать за пределы Китайского государства. В 1982 г. Международной организацией по стандартизации (ISO) был утвержден пиньинь в качестве международной общепринятой транскрипции китайского языка [Там же]. В 1984 г. было создано

специальное государственное учреждение – Государственная канцелярия Китайской Народной Республики по делам распространения китайского языка и культуры за рубежом [12]. Результаты начала развертывания языковой политики Китайской Народной Республикой не заставили себя ждать. Сегодня на китайском языке говорят не только 1,3 млрд жителей Китая, но и около 40 млн иностранцев [11]. Изучение китайского языка и культуры Китая стало «модной тенденцией», в политический дискурс было введено понятие «китайская лихорадка», или «китайский бум» [Там же]. На сегодняшний день китайский язык не только является одним из основных рабочих языков таких международных организаций, как ООН и ШОС, но и активно соперничает с английским в регионе Юго-Восточной Азии [Там же].

В нынешних реалиях лингвистический фактор во внешней политике Китая обретает новые формы. В первую очередь это связано с принятием осенью 2013 г. руководством КНР стратегии «Один пояс – один путь». В основе данной стратегии лежит идея о том, что «ближняя внешняя политика Китая достигла этапа всестороннего развития, с каждым днем возрастает ценность языковой стратегии... Изучать языки окружающих стран чрезвычайно важно для обеспечения безопасности государства» [7. С. 116]. Таким образом, Китай стремится развивать языковые связи с близлежащими государствами, к числу которых относятся 29 стран: Россия, Монголия, Казахстан, Киргизия, Южная Корея, Япония, Филиппины, Малайзия, Бруней, Индонезия, Сингапур, Северная Корея, Вьетнам, Узбекистан, Туркмения, Турция, Иран, Бангладеш, Шри-Ланка, Таиланд, Камбоджа, а также Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индия, Непал, Бутан, Бирма и Лаос [Там же. С. 117].

Взаимодействие с данными государствами предполагает не только экспорт китайского языка и культуры на их территорию, но и популяризацию изучения языков этих стран в самом Китае. Так, в рамках описанной политики в ноябре 2013 г. на базе Пекинского университета языка и культуры китайским руководством был образован Координационный инновационный центр языков и культур окружающих стран [13]. Задачами центра стали разработка внешней языковой стратегии государства, подготовка специалистов в области лингвистики, а также координация изучения иностранных языков в Китае и китайского языка за рубежом [Там же]. Более того, при университете созданы Лингвистическая академия и несколько специализированных институтов, готовящих специалистов в области языкознания [Там же].

Другим немаловажным направлением языковой политики Китая в современном мире становится усиление позиций страны в глобальном информационном пространстве посредством увеличения количества китайских иноязычных СМИ [14. С. 74]. Китайским правительством создается система контролируемых государством средств массовой информации на таких иностранных языках, как английский, русский, французский, испанский, арабский, японский и др. Было увеличено количество зарубежных координационных пунктов китайского агентства «Синьхуа» до 186, а

транслирование государственного телевизионного канала CCTV с 2009 г. ведется не только на китайском и английском, но и на арабском, французском и русском языках [14. С. 74]. Проводимая диверсификация иноязычных СМИ на территории КНР позволяет китайскому руководству привлечь внимание всё более многочисленной зарубежной аудитории к событиям в стране. Все это имеет цель популяризации и экспорта китайской культуры далеко за пределы КНР.

Несмотря на то что Китай допускает контролируемое вхождение иноязычных СМИ на китайский медиарынок, одновременно с этим китайское руководство проводит активную политику сохранения языкового и культурного наследия малых народностей Китая. Активно ведется развитие программ, направленных на сохранение нематериального, культурного и языкового наследия страны. Их составными элементами являются масштабные лингвистические исследования, посвященные вопросам изучения истоков китайского языка, а также проблемы его сохранения во всем региональном многообразии. В рамках данного курса китайским руководством в качестве основной была выдвинута задача исследования и сохранения на современных аудио- и видеоносителях всех языков страны (диалектов малочисленных народностей), прежде всего, исчезающих [15. С. 139]. По мнению исследователей, выбор данного курса не случаен и имеет тесную связь с политикой страны [11]. Так, в политическом лексиконе высшего эшелона китайских властей все чаще встречается понятие китайской мечты – «великого возрождения сильной китайской нации», которое не представляется возможным без сохранения и поддержания исторического и культурного богатства страны.

Стоит отметить, что активное участие в реализации языковой политики принимает и Тайвань, составляя, таким образом, своеобразную «конкуренцию» материковому Китаю. Одним из крупнейших достижений в области языковой политики Тайваня можно считать организацию в ноябре 1972 г. в городе Тайбэе Международной Ассоциации содействия распространению и развитию китайского языка. В июле 1997 г. организация приобрела свое нынешнее название – Международная Ассоциация китайского языка [16. С. 176]. Основной сферой деятельности Ассоциации является проведение международных конференций, посвященных изучению китайского языка за рубежом, а также популяризации китайского языка среди иностранных студентов [Там же].

Активно развивается сотрудничество Китайской Народной Республики и Российской Федерации в сфере образования [17, 18]. В настоящее время обуче-

ние китайскому языку осуществляется в ряде вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Владивостока и др. [19]. Важную роль при этом играют Институты Конфуция, функционирующие при российских университетах. Институты Конфуция представляют собой некоммерческие научно-образовательные центры, основными задачами которых являются организация курсов китайского языка и культуры, а также проведение научно-практических конференций и консультаций по вопросам обучения в КНР [1. С. 88]. Общее число Институтов Конфуция в России – более двадцати [20]. В настоящий момент изучение языков и культур рассматривается руководством двух стран в качестве базиса для дальнейшего расширения и укрепления взаимодействия и долгосрочного сотрудничества в экономической, социально-политической и других сферах жизни общества на основе стратегии развития Китая и России [18. С. 158]. Кроме того, изучение российской и китайской культур, а также языков двух государств в рамках единого геополитического пространства Северо-Восточной Азии и АТР делает возможным их исследование в контексте взаимовлияния и определение перспективных направлений дальнейшего сотрудничества [Там же. С. 159].

Таким образом, можно сделать вывод, что лингвистический аспект является неотъемлемым фактором внешней политики Китайской Народной Республики в современных условиях. Языковая политика китайского правительства направлена не только на внутригосударственную сферу, но и на внешнеполитическую, становясь основополагающим аспектом построения дальнейших внешних связей в рамках политического взаимодействия с другими государствами. Языковая политика Китая сегодня обретает различные формы: от стремления распространить китайский язык и культуру за рубеж посредством предоставления стипендий для иностранных студентов и привлечения их в КНР для получения образования до диверсификации и популяризации китайских средств массовой информации в других государствах. В то же время активно проводится политика сохранения и защиты китайского языка, языков малочисленных народностей Китайской Народной Республики, а также культурного и исторического достояния страны.

Сегодня можно судить о следующих успехах языковой политики Китая: количество иностранцев, желающих изучать китайский язык, с каждым годом неуклонно растет; в обществе наблюдаются такие новые явления, как «китайский бум» и «китайская лихорадка», которые как нельзя лучше отражают востребованность и интерес к китайскому языку и культуре по всему миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватаняр Ягъя, Ли Минфу. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // Международная жизнь. 2015. № 7. С. 84–93.
2. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, NY : Public Affairs, 1999. P. 113.
3. Лао Цзы Дао Дэ Дзин. Учение о пути и благой силе. М. : Наука, 1998. С. 138.
4. Ван Яо. «Мягкая сила» ответственной державы // Информационные войны. 2015. № 4 (36). С. 36–42.
5. Леонова О. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель. 2014. № 3. С. 18–28.
6. Мокрецкий А. Основные направления китайской дипломатии // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 44–59.
7. Завьялова О. Лингвистические новации и внешняя политика Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 116–119.

8. Хохлова И. Языковая политика национальных государств и ее развитие в современном мире // Россия и Запад: диалог культур. URL: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-15-01/286-2013-07-26-10-48-41.html> (дата обращения: 17.12.2016).
9. Китай назван одной из самых популярных стран среди иностранных студентов // Южный Китай: особый взгляд. URL: <https://www.south-insight.com/node/217713?language=ru> (дата обращения: 17.12.2016).
10. Андреева Т., Керн К. Тибетский фактор в американо-китайских отношениях // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 22–26.
11. Сергеева А. Китайский язык как инструмент реализации «китайской мечты» // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2388#top-content (дата обращения: 10.12.2016).
12. Саскова Е. Алфавит китайского языка как элемент языковой политики КНР // Современные научные исследования и инновации: электронный научно-практический журнал. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62296> (дата обращения: 10.12.2016).
13. Педагогический институт иностранных языков (Пекинский университет языка и культуры открыл международный Координационный инновационный центр языков и культур окружающих стран) // Образовательный портал. Пекин, 2016 URL: <http://www.teachingchinese.net/?p=2878> (дата обращения: 14.01.2017).
14. Евдокимов Е. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. 2009. № 1. С. 74–83.
15. Завьялова О. Языки Китая: новейшие исследования и открытия // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 139–143.
16. Буров В. Международная Ассоциация китайского языка // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 176–184.
17. 学好汉语 如虎添翼 (Изучение китайского языка: благо или угроза) // 人民日报 (Газета «Женьмин жибао»). URL: http://www.hanban.edu.cn/article/2017-01/06/content_670898.htm (дата обращения: 23.01.2017).
18. Гурзуева Т., Макаров А. Становление и развитие нового лингвистического направления в контексте российско-китайского межцивилизационного взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 158–163.
19. 谁需要汉语 (Кем востребован китайский язык) // 人民日报 (Газета «Женьмин жибао»). URL: <http://www.people.com.cn/GB/paper39/7945/754135.html> (дата обращения: 19.01.2017).
20. 中俄合作加强不影响中美关系 (Сотрудничество России и Китая не влияет на американо-китайские отношения) // 人民日报 (Газета «Женьмин жибао»). URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2016-07/04/content_1692504.htm (дата обращения: 28.01.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 5 марта 2017 г.

LINGUISTIC ASPECT AS A FACTOR OF THE FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE 21ST CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 417, 25–29.

DOI: 10.17223/15617793/417/4

Tatyana L. Andreeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreeva.tl2012@mail.ru

Kristina E. Kern, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: k-k-13@mail.ru

Keywords: “soft power”; language policy; Chinese language; cooperation; China.

The analysis of the linguistic aspect of the foreign policy of the People's Republic of China is becoming more relevant today owing to the fact that the impact of “soft power” factors – methods to achieve the desired result without the use of violence – enhances in foreign policy processes. The foreign policy of China is not an exception. One of the main elements of “soft power” is the language policy. The article is devoted to the linguistic aspect of China's foreign policy in modern conditions as an instrument of “soft power.” The definition of the concept “soft power”, the principal components and instruments of “soft power” in Eastern countries are underlined in the article. New principles and direction of China's diplomacy, pledged at the VIII Congress of the CPC, reflect the fact that “soft power” is used as one of the main tools of China's foreign policy. In addition, a special place is given to the language policy of the country. It is important to note that the language policy was chosen by the Chinese leadership as one of the priorities of foreign policy directions for a number of reasons, which include an increased interest in China after its reaching economic success and the rapid growth in the number of countries which co-operate with China. Moreover, big demand in specialists in the Chinese language is also significant. The attention is focused on the premises of the active implementation of the language policy of the PRC. An important step for the People's Republic of China was the beginning of the policy of “reform and opening” under the guidance of Deng Xiaoping in the late 1970s. In addition, a decisive role played the standardization of the Chinese language and the foundation of the State Office of the People's Republic of China on the spreading of the Chinese language and traditional culture abroad in 1984. The correlation of the new strategy of the Chinese leadership, “One Belt – one way” and the desire to spread the Chinese language and culture abroad is considered in the article as well. An important place is given to the consideration of the Russian-Chinese cooperation in the area of language, to main projects and activities carried out in this area. The language policy of the People's Republic of China is one of the determining factors of the country's foreign policy in the modern world. This linguistic aspect influences both the domestic and foreign policy of the Chinese leadership. The language policy of the PRC is multidirectional: it includes not only the spread of the Chinese language abroad, but also the desire to preserve the languages of ethnic minorities in the country, protection of cultural and linguistic diversity of China. Today, the international position of the country and its image directly depend on the success of the implementation of China's language policy.

REFERENCES

1. Vatyanyar Yagya & Lee Minfu. (2015) Institut Konfutsiya kak faktor “myagkoy sily” vo vneshney politike KNR v XXI veke [The Confucius Institute as a factor of “soft power” in China's foreign policy in the 21st century]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 7. pp. 84–93.
2. Nye, J. (1999) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, NY: Public Affairs.
3. Lao Tzu Tao Te Ding. (1998) *Uchenie o puti i blagoy sile* [The doctrine of the path and good power]. Moscow: Nauka.
4. Van Yao. (2015) “Myagkaya sila” otvetstvennoy derzhavy [“Soft power” of the responsible power]. *Informatsionnye voyny – Information Wars*. 4 (36). pp. 36–42.
5. Leonova, O. (2014) “Myagkaya sila”: instrumenty i koeffitsienty vliyaniya [“Soft power”: tools and coefficients of influence]. *Obozrevatel' – Observer*. 3. pp. 18–28.
6. Mokretskiy, A. (2015) Osnovnye napravleniya kitayskoy diplomatii [The main directions of Chinese diplomacy]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1. pp. 44–59.
7. Zav'yalova, O. (2015) Lingvisticheskie novatsii i vneshnyaya politika Kitaya [Linguistic innovations and foreign policy of China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 6. pp. 116–119.

8. Khokhlova, I. (2012) Yazykovaya politika natsional'nykh gosudarstv i ee razvitie v sovremennoy mire [Language policy of national states and its development in the modern world]. [Online] Available from: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-15-01/286-2013-07-26-10-48-41.html>. (Accessed: 17th December 2016).
9. Yuzhnyy Kitay: osoby vzglyad. (2017) *Kitay nazvan odnoy iz samykh populyarnykh stran sredi inostrannykh studentov* [China is named one of the most popular countries among foreign students]. [Online] Available from: <https://www.south-insight.com/node/217713?language=ru>.
10. Andreeva, T. & Kern, K. (2016) The Tibetan factor in the US-China relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 22–26. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/404/3
11. Sergeeva, A. (2013) *Kitayskiy yazyk kak instrument realizatsii "kitayskoy mechy"* [The Chinese language as a tool for the realization of the "Chinese dream"]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskiy-yazyk-kak-instrument-realizatsii-kitayskoy-mechty/>. (Accessed: 10th December 2016).
12. Sas'kova, E. (2016) Alfavit kitayskogo yazyka kak element yazykovoy politiki KNR [Alphabet of the Chinese language as an element of the Chinese language policy]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 1. [Online] Available from: <http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62296>. (Accessed: 10th December 2016).
13. Teachingchinese.net. (2012) 创新中心 [Peking University of Language and Culture opened the International Coordination Innovation Center for Languages and Cultures of Surrounding Countries]. [Online] Available from: <http://www.teachingchinese.net/?p=2878>. (Accessed: 14th January 2017). (In Chinese).
14. Evdokimov, E. (2009) Politika Kitaya v global'nom informatsionnom prostranstve [China's policy in the global information space]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 1. pp. 74–83.
15. Zav'yalova, O. (2016) Yazyki Kitaya: noveyshie issledovaniya i otkrytiya [Languages of China: Recent Research and Discoveries]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5. pp. 139–143.
16. Burov, V. (2013) Mezhdunarodnaya Assotsiatsiya kitayskogo yazyka [The International Association of the Chinese Language]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' – Oriens*. 4. pp. 176–184.
17. *People's Daily*. (2017) [Learning Chinese: a good or a threat?]. [Online] Available from: http://www.hanban.edu.cn/article/2017-01/06/content_670898.htm. (Accessed: 23rd January 2017). (In Chinese).
18. Guruleva, T. & Makarov, A. (2010) Stanovlenie i razvitie novogo lingvisticheskogo napravleniya v kontekste rossiysko-kitayskogo mezhsivilizatsionnogo vzaimodeystviya [Formation and development of a new linguistic direction in the context of Russian-Chinese intercivilizational interaction]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 5. pp. 158–163.
19. *People's Daily*. (2002) [Who needs the Chinese language?]. [Online] Available from: <http://www.people.com.cn/GB/paper39/7945/754135.html>. (Accessed: 19th January 2017). (In Chinese).
20. *People's Daily*. (2016) [Cooperation between Russia and China does not affect US-China relations]. [Online] Available from: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2016-07/04/content_1692504.htm. (Accessed: 28th January 2017). (In Chinese).

Received: 05 March 2017